

Жизнь как вода

Ну привет, мой свет. Пишу тебе из столицы вовсе не туманного сегодня Альбиона. С погодой, действительно, повезло. Я гулял по Гайд-парку и набрел на резиденцию Веллингтонов. Еще и адрес такой странный — Лондон, 1. С самооценкой у этих герцогов явно было все в порядке. Помнишь герцога? Кто Наполеона под Ватерлоо бахнул, да так, что Жозефина, будучи католичкой, перекрестилась не пятиперстным, а по-православному. Но я про другое.

Эпли-хаус — необычайно старое здание. Но, как и со всеми старыми вещами, Англия научилась поддерживать их вид и протирать от пыли. Изначально в резиденции развлекались вельможи да богачи, теперь музей открыли, где простые смертные могут насмотреться на предметы ненужной роскоши.

Комнаты нафаршированы декоративными предметами. Минуя всякие финтифлюшки вроде фарфоровых блюдец, бархатных подушек для собак, я зашел в зал художественного музея. И обомлел. Во рту пересохло.

Прямо на уровне глаз висела в золоченой раме картина Веласкеса. Ты наверняка ее помнишь со школьного курса культурологии. Экскурсионная группа, к которой я прилепился, чтобы не платить за гида (билет и так обошелся в 10 фунтов — стоимость моего обеда), потянулась дальше к экспонатам. Какая-то узкоглазая старуха толкнула меня и выругалась по-японски или по-корейски. Смешно. Она раза три оглядывалась, продолжая сыпать ругательствами, пока не догнала своих.

Картина сначала больше походила на икону. Водонос этот... ах да, забыл. Название картины «Продавец воды из Севильи» или просто по рабоче-крестьянскому «Водонос». Сухая поза бородача, скупое на эмоции выражение лица, густые темные краски на холсте. Короче, многострадалец, мученик, полусвятой, сразу видно. Но не все так просто. Картина нарушала все правила иконографии из тех, что я вычитал в газете «Нарисуй сам»: лицо в профиль, никакой отсылки к евангелию, да и что это за персонаж собственно?

В жаркой Испании 17-го столетия продавать воду, зачерпанную в колодце, — что может быть одновременно и прибыльнее, и благороднее? Ведь он почти благодетель страждущего человечества. Страждущего по воде. Тогда почему он грустный? Точнее не вовлеченный? Он же спасает жителей от чумы.

На заднем фоне человек пьет из огромного полулитрового стакана. Едва его видно, будто он боится выйти на свет. Глаза круглые, пуганные. Может, увидел чего или, как я, про себя понял. Невзрачный работник канторы по обработке хлопка там или продавец в бакалейной лавке. Он пьет медленно, дабы не пролить ни одной капли. Отведав тумачков судьбы, начинаешь ценить каждую каплю и радости, и отдохновения, которые так скупо расточает нам жизнь. Нет. Он не боится. Я рассмотрел его внимательнее. Он сосредоточен и наблюдает за мальчиком.

Мальчик-одуванчик, щекастый разодетый гимназист, щегол. Водочерпий поддерживает полный до краев стакан, чтобы малец не опрокинул священную жидкость. Пухлые пальчики некрепко обхватили талию бокала, взгляд бессодержательный. Да что он может понимать о болезни и смерти? Крепче держи, дурак.

Какой прозрачности стакан, а капли на большом кувшине? Чем Веласкес рисовал это? Душой своей? Господи, это слишком великолепно и непостижимо. Вот стою я, боясь лишней раз взглянуть, и реву. Наверное, со стороны кажется, что мастерство художника меня так покорило. Да нет же. Это всё моя жизнь. Вот я задумчивый сытый мальчик, влюбленный одной частью сердца в химию, другой в одноклассницу Нинку. И сердце мое рвется. Ни то, ни другое я не заполучу. На кафедру органической химии меня не возьмут, Нинка на выпускном поцелует Володю и станет ждать его из армии, экого остолопа, который завалил экзамены в строительный техникум. А могла бы поцеловать меня и стать женой преподавателя биологии.

Господи, куда все уходит? Почему вода утекает и вечно ее не достает?

Пока вытирал слезы, услышал, что картина краденная тем самым герцогом, в честь которого и музей соорудили. Какая странность: живопись мировая, а в руках воров и преступников. Жуть.

Веласкес написал картину в 18-ть лет (интересно, к тому времени он уже брил бороду или довольствовался пушком над верхней губой?). Водонос, что странно, в холщевом плаще с порванным рукавом. Под ним белоснежная рубаха. На лице глубокие морщины, выцветшие ресницы, хотя на старика мало похож. И вдруг я подумал, а что если этот продавец, мальчик и посетитель бодегона (трактира)...о, Боже... неужели это один человек? Это я?

Задумчивый мальчик, сосредоточенный посетитель, умудренный жизнью продавец. Неужели это пророчество про меня? Неужели мне уготована та же

участь: просто смотреть на молодых и юных, подавать им знания о фотосинтезе, кольчатых червях, полых голубиных косточках? Я не хочу. Нет. Жизнь, не утекай! Друг, скажи, напиши, что это не про меня!